

УДК 130.3

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА: МАШИНА КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ ДУХА

Семина Д.И. Студентка УКб-151 (27.03.02), 1 курс
Научный руководитель: Н.П. Гаврилова, к.и.н., доц.
Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева
г. Кемерово

Обращение к философским проблемам техники в современных условиях представляется крайне актуальным. Ведь роль техники в жизни человека и общества в последние десятилетия возрастает все более ускоряющимися темпами.

В соответствии со спецификой философского знания философия техники предполагает исследование ее (техники) первопричин. В данном случае техника понимается как совокупность технических средств и технологий, знаний и деятельности, в которых задействованы технические средства [1]. Способность человека осуществлять такую деятельность сформировалась еще в каменном веке и является особенностью, отличающей его от других живых существ. Чтобы понять это, отметим, что любое техническое устройство представляет собой предмет, используемый для изготовления других предметов. При этом в понятие техники, как было указано выше, входят и сами приемы использования этого предмета.

Технические устройства первобытного человека с сегодняшних позиций представляются простыми в изготовлении и использовании (каменные ножи, топоры, иглы и тому подобное). Однако важен сам факт их появления. На смену каменным орудиям пришли изделия из бронзы и железа. Затем появились самые простые механические приспособления (рычаг, блок, колесо). И, наконец, в ходе промышленной революции (XVIII – XIX в.в.) появилось то, что принято называть современной техникой: паровая машина и прядильный станок. Наступила эпоха машинной индустрии. Появилась вместе с тем инженерная деятельность, цель которой – разработка и совершенствование машинного производства.

В этих условиях все более отчетливо встает вопрос о взаимодействии человека и техники и о перспективах этого взаимодействия. Попытки ответить на него привели к появлению философии техники.

Ее основоположником считается Эрнст Капп, опубликовавший в 1898 году свой труд «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения». Ему, в частности, принадлежит мысль о том, что в основе техники лежит органопроекция, то есть техника создается по образцу живого организма. По мнению Каппа, создание техники не являясь созданием нового, раскрывает естественные возможности организма [2. с. 13]. С тех пор к этой проблематике обращалось немало авторов, среди

них и знаменитый русский философ Н.А. Бердяев. С позиций религиозной философии он анализирует сущность процессов, связанных с бурным развитием машинного производства.

Обратимся к одной из его статей, посвященных этой проблематике. Речь идет о работе «Дух и машина», которая была опубликована в сборнике его статей «Судьба России» (1918). Тот факт, что статья вошла в этот сборник уже говорит о многом. В ней Бердяев не просто рассуждает о техническом прогрессе, а говорит об этом применительно к России, к ее будущему, что делает его рассуждения еще более актуальными для нас, граждан современной России. «Проблема духа и машины», – пишет он, – имеет огромное значение для русского сознания, она предстает перед Россией, как проблема ее будущего» [3, с.234].

Но, прежде чем, определить свое отношение к техническому прогрессу, надо понять, что он несет человеку и человечеству. Формулируя свою позицию по этому вопросу, Бердяев пишет: «Рост техники во вторую половину XIX века – одна из величайших революций в истории человечества. Что-то надломилось в органической жизни человечества и началось что-то новое, все еще не до конца осознанное и опознанное» [3, 234]. Тем не менее «многих пугает и страшит этот процесс, сопровождающийся уродливыми явлениями и гибелью старой красоты» [3,с. 233].

В России этот страх в определенной степени трансформируется в противостояние славянофилов и западников, народников и марксистов. В этом противостоянии Бердяев на стороне западников и марксистов. Чтобы сделать свою позицию более доходчивой, он даже называет ее «духовным марксизмом», тут же оговариваясь, что это не больше чем аналогия.

Критикуя точку зрения славянофилов и народников, отстаивавших самобытность России, он пишет: «Русские любят противопоставлять своеобразие русского духа западной материальной культуре, основанной на механичности и машинности». И, хотя в этом «есть своя правда», такое противопоставление, по его мнению, на деле выглядит как противопоставление более развитой технике и хозяйству техники и хозяйства менее развитого, отсталого и примитивного [3, с. 234].

Кроме того, получается, что технический прогресс угрожает самому существованию русского духа. «Но может ли русский дух так зависеть от материальной отсталости? Грозит ли русскому духу гибель от разложения старой русской материи? Немного тогда стоит этот дух. Постыдно для духа бояться материального развития и цепляться за материальную отсталость», – утверждает Бердяев. Более того, продолжает он, «не только ошибочно противопоставлять совершенной машине, машину несовершенную, но также ошибочно противопоставлять машине – дух» [3, с. 234].

Но именно такое противопоставление («машина умерщвляет дух»), как отмечает Бердяев, широко было распространено в религиозной мысли. Этот взгляд он считает не соответствующим религиозному подходу, он скорее от-

ражает материалистическую точку зрения, в соответствии с которой «дух обусловливается экономическими факторами» [3, с. 238].

С истинно религиозных позиций машина умерщвляет не дух, а материю «и от противного способствует освобождению духа. За материализацией скрыта дематериализация. С вхождением машины в человеческую жизнь умерщвляется не дух, а плоть, старый синтез плотской жизни. Тяжесть и скованность материального мира как бы выделяется и переходит в машину. И от этого облегчается мир» [3, с. 236].

Однако этот процесс носит со всей очевидностью трудный и мучительный характер. «Машинизация есть отрывание и выделение материальной тяжести из духа, облегчение духа. Но облегчение это достигается тем, что переживается кошмар и смертная тоска машинности», – подчеркивает Бердяев. И дух должен пройти свой страдальческий жертвенный путь. «Эта жертва должна быть сознательно принята. Через нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это – Голгофа природы. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды», – именно таким образом надо воспринимать технический прогресс с точки зрения истинного христианства, утверждает Бердяев [3, с.237].

Другого пути нет. Этот путь должна пройти и Россия. Этот вывод однозначно звучит в заключительных строках статьи. «Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, – пишет Бердяев, – то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадает в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина».

Таким образом, Бердяев с оптимизмом смотрит в будущее, не испытывая страха перед техническим прогрессом, принимая его как неизбежное испытание духа, ведущее к его освобождению. Удастся ли духу пройти это испытание и обрести освобождение, и что это за испытания, и каковы пути освобождения, на эти вопросы он попытается ответить пятнадцать лет спустя в своей статье «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)».

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. Цит. по: .
2. Митчем К. Что такое философия техники. /Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. — М.: Аспект Пресс, 1995. – М.1995. – 149с. <http://phs.chair.tu-bryansk.ru/FILES/magistratura/mitchem.pdf>
3. Бердяев Н.А. Дух и машина.// Судьба России. 1918 // URL: (дата обращения 27.03.16)

VIII Всероссийская научно-практическая конференция
молодых ученых с международным участием
«Россия молодая»